

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЦИНСКОГО КИТАЯ

ЧАСТЬ 1: КАЗЕННОЕ И ПОДАТНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
В СИСТЕМЕ «КЛАСС-ГОСУДАРСТВО»

THE SOCIAL STRUCTURE OF QING CHINA
PART 1: STATE AND TAXPAYING PEASANTRY IN THE
“CLASS-STATE” SYSTEM

© 2022 **Олег Ефимович Непомнин**

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва
distan@gmail.com

Oleg E. Nepomnin

DSc (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; distan@gmail.com

Публикация представляет собой продолжение цикла общетеоретических работ Олега Ефимовича Непомнина (1935–2020), опубликованных в предыдущих выпусках «Восточного курьера» [Непомнин, 2019, 2020, 2021а, 2021б]. О. Е. Непомнин, китаевед и востоковед широкого профиля, относился к числу наиболее ярких теоретиков восточных обществ. Автор придерживается концепции «класса-государства», сформировавшейся в традиционном Китае и определявшей все сферы китайского социума, и, в частности, в эпоху Цин. Общество строилось на органическом сочетании низовой, или «малой» корпоративности: семья, патронимия, цех — и высшей, или «всеобщей» коллективности: Поднебесная, государство. Подобная система отличалась слабостью горизонтальных связей по

классовой общности, сословию, социальной страте, прослойке при господстве вертикальных связей. Ее основой была связь «первичная ячейка — верховная власть». Поглощенность каждого в традиционном Китае «личной» микрообщностью и ячеистость социума вели к неразвитости и внутренней дробности сословий и социальных групп перед лицом всемогущего государства восточной деспотии. Автор доказывает, что в средневековом Китае «класс-государство» представлял собой крупное экономическое явление, имевшее собственный подсектор землевладения — казенные площади. Помимо этого, в сферу непосредственного господства бюрократии входил второй огромный подсектор — податные земли крестьян-налогоплательщиков. «Класс-государство» силами бюрократии и сословия *шэньши* обеспечивал целостность и единство обоих регионов. «Класс-государство» ежегодно получал в виде налогов, податей и иного обложения 40 % всей массы изымаемого из деревни реального и «условного» зерна — свыше 13 % общекитайского производства.

Ключевые слова: система «класс-государство», традиционный Китай, социальная структура Китая, налоговая система в цинском Китае, податное крестьянство в Китае, казенное крестьянство в Китае, антиправительственные настроения в Китае

Для цитирования: Непомнин О. Е. Социальная структура Цинского Китая. Часть 1: Казенное и податное крестьянство в системе «класс-государство». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 2. С. 60–77. DOI: 10.18254/S268684310021472-7

The paper follows up on the series of general theoretical works by Oleg E. Nepomnin (1935–2020) published in previous issues of the *Oriental Courier*. [Непомнин, 2019, 2020, 2021a, 2021b]. Oleg E. Nepomnin, a specialist in Chinese studies and Orientalism, was one of the most prominent theorists of Oriental societies. The author adheres to the concept of “class-state” which was formed in traditional China and determined all spheres of Chinese society, and in the Qing era. Society was built on an integral combination of grassroots or “small” “universal” collectivity: the Great Empire, the state. Such a system was characterized by the weakness of horizontal ties of class, class, social stratum, stratum, with the dominance of vertical ties. Its basis was the “primary unit — supreme power” link. The absorption of everyone in traditional China by the “personal” micro-community and the cellularity of society led to the underdevelopment and internal fragmentation of estates and social groups in the face of the all-powerful state of the eastern despotism. In medieval China the “class-state” was a major economic phenomenon. It was large-scale both in terms of the impact of officialdom on the economic life of the country and in a narrower sense. “Class-state” had its own sub-sector of public land tenure. In addition to this, the bureaucracy’s immediate sphere of domination included a second huge subsector — the tax-paying peasant lands. In the North and Manchuria, the economic system was predominantly “state” with the increased role of taxes and officials, while in the South and Central China it was predominantly private and “rental” with the special role of land rent and debt bondage. The “class-state” by means of the bureaucracy and the *shenshi* class ensured the integrity and unity of both regions. The “class-state” received annually in the form of taxes, duties and other taxation 40 % of the entire mass of real and “conditional” grain withdrawn from the village — over 13 % of China’s total production. About 52 % of this amount was rent-taxes on the taxed peasants, more than 38 % were levied on the private rented sector, and more than 9 % — on the government-dependent farmers.

Keywords: “class-state” system, traditional China, social structure of China, tax system in Qing China, taxpaying peasantry in China, state peasantry in China, anti-government rhetoric in China

For citation: Nepomnin Oleg E. The Social Structure of Qing China. Part 1: State and Taxpaying Peasantry in the “Class-State” System. *Oriental Courier*. 2022. No. 2. Pp. 60–77. DOI: 10.18254/S268684310021472-7

СУТЬ И ЛОГИКА ФОРМИРОВАНИЯ «КЛАССА-ГОСУДАРСТВА»

Традиционный социум в Китае, и цинский, в частности, строился на органическом сочетании низовой, или «малой» корпоративности: семья, патронимия, цех — и высшей, или «всеобщей» коллективности: Поднебесная, государство. Подобная система отличалась слабостью горизонтальных связей по классовой общности, сословию, социальной страте, прослойке при господстве вертикальных связей. Ее основой была связь «первичная ячейка — верховная власть» [Исаева, 2000].

Принципами построения этой системы были последовательное, многоступенчатое соподчинение и ячеистость социума. Социальные ячейки имели как естественный, так и искусственный характер. К естественному можно отнести родственные общности — *цзунцзю* (宗族), остаточные элементы общинной организации в деревне: профессиональные, земляческие корпорации, религиозные секты, тайные общества. Искусственные социальные ячейки насаждались властями, например, система *баоцзя* (保甲).

Поглощенность каждого человека в традиционном Китае «личной» микрообщностью и ячеистость социума вели к неразвитости и внутренней дробности сословий и социальных групп перед лицом всемогущего государства восточной деспотии. В этих условиях социальные связи, сословные общности и классовое единство по значимости уступали родственно-корпоративным началам и как бы размывались ими, теряя свои качественные и функциональные показатели.

Преобладание вертикальных связей над слабыми горизонтальными обусловило в Китае повышенное могущество государства как центра или вершины, куда сходились все нити власти от низовых и промежуточных ячеек. Характеризуя китайский вариант государственности и вычленив политически господствующий класс традиционного Китая, синологи все чаще применяют термин «класс-государство», видя реше-

ние этой проблемы в совмещении указанных категорий. Это понятие в Цинской империи олицетворялось «амальгамой» аристократических сословных групп, верхушки привилегированных сословий *шэньши* и восмизнаменной армией, а также государственного аппарата. «Класс-государство», выступая социальной, политической и идеологической доминантой конфуцианской системы, противостоял «простым» социальным образованиям — классовым общностям, слоям, прослойкам, сословиям и сословным группам, остававшимся лишь объектом его всестороннего контроля [*Китай: традиции... 1976*].

Традиционные противостояния «император — подданные» и «чиновник — народ» в китайской деспотии фактически служили выражением противостояния «класса-государства» остальному населению страны, т. е. всем прочим социальным образованиям — эксплуататорским, эксплуатируемым и смешанным. Будучи синтезом надстроечного и социального начал, «класс-государство» как бы претендовал на «вне-социальный», или «надсоциальный» статус по отношению к «рядовым» сословиям земледельцев, ремесленников и торговцев, не говоря уже о внесословной «подлом люде».

В средневековом Китае «класс-государство» складывался постепенно. Начиная с VII–VIII вв. бюрократия рекрутировалась из *шэньши*, а они, как правило, — из землевладельцев. В результате этого сложного процесса *шэньши* становились «управляющим сословием». Конечно, **не все чиновники являлись шэньши и не все шэньши были чиновниками**. Большая их часть составляла нижний — субадминистративный слой гигантской пирамиды госаппарата, хотя формально в него не входила. Суббюрократия выполняла круг весьма важных политических и экономических функций на уровне ниже уездного *ямэня* [Непомнин, Позднеева, Степугина, 2019].

В ходе иноземных завоеваний Китая киданями, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами в правящий **социальный блок «бюрократия —**

суббюрократия» включался третий и всегда высший компонент — **сословие завоевателей**. В период Цин это была наследственная маньчжурская аристократия и другие «знаменные». Во второй половине XVII–XVIII вв. «класс-государство» представлял собой блок «завоеватели — *шэньши*», или триаду сословного союза «знаменные — чиновники — *шэньши* (субадминистраторы)». По сути, в институциональном плане это была трехступенчатая пирамида «верховная власть — бюрократия — суббюрократия».

Развиваясь и усложняясь, «класс-государство» с VII–VIII вв. постоянно впитывал в себя элиту землевладельческого класса. Аккумулируя лучшие его силы, «класс-государство» укреплял себя и обессиливал «частных» богачей, отодвигая их от власти. Эволюция шла от «землевладельческой бюрократии» к «бюрократическим, или государственным функционерам». Социальная и политическая системы Срединной империи все более развивались в сторону не частного, а государственного типа. В отличие от Европы, бюрократия из чисто служебного придатка господствующего класса превратилась не только в политически самостоятельную, но и в доминантную и развитую институциональную силу. Став таким образом особой классовой общностью «магнатов от казны», это специфическое социальное образование было неотрывно от политической надстройки.

Подобное **слияние социального и институционального начал** ускоряло обособление нового сложного образования от среды простых землевладельцев — *не-шэньши* (*туба, тухао*), или от земельных магнатов. «Класс-государство» стал носителем власти на всех уровнях выше деревни или волости и превратился в ведущую силу организации социума — встал над средой землевладельцев и другими «частными» эксплуататорскими слоями: купцами, торговцами, ростовщиками, хозяевами мастерских и мануфактур [*Социальная структура...* 1990].

В итоге император выступал как глава структуры «завоеватели — бюрократия — суббюро-

кратия» и был по сути «первым бюрократом империи». Он был не только Сыном Неба, но и сыном господствующего «класса-государства», который не был классом земельных собственников в его европейском выражении, а конфуцианское государство отнюдь не являлось «комитетом по управлению делами» крупных землевладельцев. Для традиционного государства на первом плане стояли интересы казны и бюрократии. Нужды же землевладельческой среды централизованная власть отстаивала, так как выражала «общенациональные», «высшие» интересы. Государство в Цинской империи выступало в двойной роли: и как политическая надстройка, и как отличный от частных землевладельцев «класс-государство». Поскольку «класс-государство» имел «свой» экономический сектор и «собственные» доходы помимо обложения частных магнатов, он мало зависел от землевладельческой классовой общности.

В столь специфических условиях император не мог быть «первым землевладельцем» Поднебесной, а тем более «главным феодалом» или «первым среди равных». Землевладельцы не были его «родным» классом. В отличие от Европы, императорская власть в Китае выступала только как высшее наднациональное начало, а Сын Неба — как антипод частного начала во всех его проявлениях: торгового, ростовщического, мануфактурного и землевладельческого.

В определенной мере представляя и защищая интересы частных магнатов, императорская власть также твердо управляла землевладельческой средой, как и остальной массой подданных. И в институциональной, и в социальной ипостаси «класс-государство» дистанцировался от «эгоистических устремлений частника», особенно торговца, что соответствовало конфуцианскому мировоззрению и тысячелетней традиции китайской политической мысли.

Претендуя на представительство своего социума, «класс-государство» в конфуцианском Китае никогда не отождествлял свои интересы с экономическими и политическими нуждами какой-либо одной классовой общности, в том

числе землевладельцев. Тройственный блок «завоеватели — чиновники — *шэньши* — суббюрократы» не только претендовал на «надклассовую» ипостась, на роль общенационального всекитайского начала, но и фактически частично отвечал этим исключительным, в европейском их понимании, требованиям. Не случайно в традиционном Китае не существовало понятия «общество», вместо него аналогом социуму выступало понятие «государство» [Социальная структура... 1990].

Отождествляя интересы правящей бюрократии с интересами государства, народа и Поднебесной, «класс-государство» действовал прежде всего в интересах сохранения и укрепления господства в рамках бюрократической системы. Его «надклассовые» претензии и особая роль в системе производства, распределения и перераспределения, обмена и потребления, естественно, не элиминировали классового характера и при наличии второго, но политически приращенного эксплуататорского пласта «частных» землевладельцев.

В своей надстроечной ипостаси этот продукт институционально-социального синтеза являлся не только отправителем функции и персонификатором восточной деспотии, но и в известной мере «собственным классом деспотии» (в ее китайском варианте). Данный момент не только не мешал большинству функционеров деспотии иметь частные земельные владения, но и способствовал их приращению, не только не препятствовал, но и помогал наряду с бюрократическими и суббюрократическими доходами дополнительно получать «частные», т. е. арендные, доходы с зависимых крестьян.

Государственная эксплуатация непосредственных производителей служила экономической базой «класса-государства». Эта эксплуатация могла быть как прямая: рента-налог с податных крестьян, налоги с ремесленников, так и косвенная: налоги с землевладельцев и торговцев.

В то же время бюрократия чаще всего располагала значительными земельными владениями,

а крупные владельцы становились чиновниками. Для чисто бюрократических слоев, как правило, обильные служебные доходы преобладали: официальное жалованье или содержание (например, для «знаменных»), казнокрадство, взятки, вымогательство, махинации с налоговыми поступлениями в форме серебра и зерна. Частные доходы — земельная рента, ростовщические проценты и торговая прибыль для них имели второстепенное значение. *Шэньши*, состоявшее на государственной службе, получали как жалованье, так и земельную ренту, а *шэньши* из числа местной суббюрократии к доходам от земли прибавляли отчисления от налоговых сумм за выполнение ряда специфических полуадминистративных функций по контролю над населением. Разумеется, соотношение казенных и частных доходов у различных групп *шэньши* были неодинаковыми [Elman, 1984; Levenson, 2005].

У «государственных» *шэньши*, которых можно причислить к «первой группе», казенные доходы преобладали над частными, а у «частновладельческих» — *шэньши* «второй группы» — основным источником доходов были земельная рента, ростовщические операции и торговая прибыль. Для *шэньши* «первой группы» срочность с казной, властью, чиновными функциями и с бюрократической карьерой являлись главным, определяющим фактором. Все это дополнялось для «государственных мужей» привилегированной сословностью — либо «знаменной», либо «шэньшисткой», либо обеими.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЩУПАЛЬЦЫ «КЛАССА-ГОСУДАРСТВА»: ГЕОГРАФИЯ И ЦИФРЫ

Господствующее положение среди бюрократических слоев и групп занимало сословие «знаменных» (*цижэнь*), находящихся на вершине пирамиды. Сословие представляло собой конгломерат лиц разного служебного положения — от маньчжурской аристократии («желтопоясные», «железношлемные») и придворных до

простых солдат «восьмизнаменных» корпусов, включая «знаменных» монголов и китайцев-ханьцзюней. Общее число представителей этих сословных групп с членами семей составляло в конце периода Цин 1,9 млн, а с челядью — 2,6 млн.

Следующий этаж пирамиды занимали «государственные» *шэньши*, т. е. жившие в основном за счет казны. Как и завоеватели, они находились с жесткой иерархией и были неоднородны по официальному статусу и имущественному положению. Помимо градации на «высших» (*цзиньши*, *цзюйжэнь* и *гуншэн* — всего 14 %) и «низших» (*шэньюань* — 86 %) не менее важным для *шэньши* была степень принадлежности к бюрократическому слою. Его верхушку составляли чиновники (*шидафу*) — служилая и почетная бюрократия, чья общая численность в конце периода Цин резко возросла и с 80 тыс. поднялась до 147 тыс., с членами семей — до 735 тыс., а вместе с челядью составила 1,3 млн. Самых чиновников насчитывалось около 66 тыс., включая придворных, функционеров центрального аппарата, местную администрацию высшего, среднего и низшего звена, военных и стажеров — кандидатов на вакантные должности.

Основная масса этих функционеров (около 40 тыс.) были гражданскими номенклатурными чиновниками. *Шидафу* приводили в движение государственный аппарат Цинской империи, насчитывавший свыше 2,2 тыс. различных учреждений.

Бюрократы-функционеры составляли верхний, чиновный слой «класса-государства». Ниже чиновников действительной службы находился слой бюрократов-нефункционеров, т. е. носителей почетных, в основном купленных за деньги званий, чинов и рангов. Почетных *шидафу* насчитывалось около 81 тыс. человек, что вместе с членами семей составляло 0,4 млн, а с челядью — свыше 0,8 млн.

Массовое нижнее основание этой пирамиды составляла суббюрократия, т. е. должностные и полудолжностные лица ниже уровня чиновников уездного *ямэня*. Данная крайне важная

контрольно-управленческая категория (575 тыс. человек с семьями — до 2,9 млн, а вместе со слугами — около 4,7 млн) исполняла субадминистративные функции узкоместного значения. Как правило, это были *шэньши* фактически на казенном содержании, наблюдавшие за «общественными» работами, сельской милицией, сбором налогов; они работали секретарями и учителями, следили за соблюдением конфуцианских норм поведения простого люди и должностных лиц.

Таким образом, бюрократический костяк «класса-государства» — *шидафу* и суббюрократия — составлял 720 тыс. человек.

Численность же всех господствующих слоев с семьями, принадлежавших к бюрократической системе, составляла менее 5,6 млн. Поскольку их обслуживало примерно 3 млн челяди, то в сумме эта классовая общность эксплуататоров со своим окружением насчитывала до 8,6 млн иждивенцев на шее казенных и податных крестьян, а также других категорий непосредственных производителей.

Верхний уровень структуры госаппарата составляли свыше 40 центральных учреждений в Пекине, 27 *ямэней* наместничеств (*дуфу ямэнь*) и провинциальных губернаторов (*сюньфу*). На уровне наместничеств и провинций функционировали 95 военных (*инзучу*), казенных палат (*бучжэнсы*), ученых канцелярий (*сюэучу*), судебных управлений (*анъчасы ямэнь*) и соляных управлений (*янъюнь шишьямэнь*), а также 230 различных провинциальных бюро или контор (*цзюй*). Чиновничество среднего административного звена наполняло собой 183 областных, 147 окружных и 67 приставных *ямэней*, а также 76 управ самостоятельных округов и 33 управы самостоятельных приставств. Нижнее административное звено бюрократии вершило дела 1340 уездных *ямэней*, включая 272 находившихся в областных и окружных центрах.

Соответственно данной учрежденческой иерархии распределялся и обычный контингент бюрократии. Около 10 тыс. штатских чиновников приходилось на придворные службы и централь-

ный аппарат, менее 5 тыс. — на учреждения высшего и 8 тыс. среднего звена местной администрации, более 16 тыс. штатских функционеров было сосредоточено в нижнем, уездном звене. Кроме того, насчитывалось 17 тыс. военных и около 10 тыс. чиновников без места, т. е. кандидатов на должностную вакансию (*хоубу*, *хоусюань*), находившихся на положении стажеров или порученцев (*вэйюань*), а также отставных, пожалованных и других.

32 тыс. чиновников приходилось на север и Маньчжурию, 13 тыс. — на Центральный и 21 тыс. — на Южный Китай, т. е. **на северные и северо-восточные провинции приходилось свыше 48 % общего числа функционеров «класса-государства»**. Для всех слоев, составлявших «класс-государство», было характерно обилие внутренних градаций, специфических групп, что предельно усложняло структуру данного верховного социально-надстроечного образования.

В обоих подсекторах вместе полный и частичный контроль казны, согласно кадастрам, распространялся примерно на 521 млн *му*, т. е. на 63 % всех зарегистрированных полей. Если же учитывать не только зафиксированную в кадастрах, но и скрытую от казны пашню, то во владении или под контролем бюрократии формально находилось 754 млн *му*, в том числе 93 млн *му* казенной и 661 млн *му* податной земли, т. е. 61 % всех пахотных полей в Цинской империи.

Однако казенное землевладение в 80-х гг. XIX в. являло собой достаточно сложную картину. Половина номинально государственных земель фактически представляла собой частные владения рентополучателей. В свете этого фактический удельный вес казенного и податного подсекторов составлял 57 % общекитайской пашни, а с учетом коэффициента повторных посевов — 55 %.

Восемь провинций Севера и Маньчжурии — Чжили, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу, Шэньси, Фэнтянь и Цзилинь — были основной зоной крестьян-владельцев земли и контроля над податным населением деревни со стороны

«класса-государства». В этом регионе на центральную казну и местных чиновников было номинально замкнуто свыше 75 % селян, т. е. около 63 млн человек (обоего пола и всех возрастов — О. Н.).

Бюрократия в Центральном Китае (провинции Цзянсу, Аньхуэй, Цзянси, Чжэцзян и Хубэй) владела и контролировала около 49 % крестьянских дворов (свыше 43 млн человек). На Юге (провинции Хунань, Сычуань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу) свыше 41 % семей крестьян (более 56 млн человек) в той или иной мере принадлежало к государственному сектору. За вычетом «арендных» дворов на казенных землях непосредственно эксплуатировались «классом-государством» на Севере и Маньчжурии 69 % крестьян, в Центральном Китае — 47, на Юге — 40 %. В целом, в сфере «объединенного» бюрократического сектора номинально находились более 16 млн казеннозависимых и 146 млн податных, что составляло 53 % всех крестьян Цинской империи, а фактически — немногим более 50 % крестьян и членов их семей — всего около 154 млн душ.

На Севере и в Маньчжурии экономический строй был по преимуществу «государственным», «бюрократическим» с основным противостоянием «казна — крестьянин», с повышенной ролью налогов и чиновников, а на Юге и в Центральном Китае — по преимуществу частным и «арендным» с основным противостоянием «крупный землевладелец — зависимый держатель земли», с особой ролью земельной ренты и долговой кабалы. «Класс-государство» силами бюрократии и сословия *шэньши* обеспечивал целостность и единство обоих регионов. «Класс-государство» в целом контролировал около 62 млн тонн, или примерно половину общенационального валового сбора зерновых. Однако данный показатель должен быть скорректирован с учетом фискальной зависимости от казны крупных землевладельцев, а через них — части держателей их земли. Около 80 % общей массы изъятия (реальное плюс «условное» зерно) падало на Центральный

и Южный Китай и лишь 20 % — на Север и Маньчжурию.

«Класс-государство» ежегодно получал в виде налогов, податей и иного обложения 40 % (более 16 млн тонн) всей массы изымаемого из деревни реального и «условного» зерна, что составляло свыше 13 % общекитайского производства. Примерно 52 % этой суммы (свыше 8 млн тонн) представляли собой ренту-налог с податных крестьян, более 38 % поступало за счет обложения частного арендного сектора и несколько более 9 % собиралось с казеннозависимых земледельцев.

В Китае в 80-х годах XX в. рента-налог составляла 16,1 млн тонн зерна. Из указанной массы на снабжение госаппарата без бюрократии и суббюрократии расходовалось 1,6 млн тонн, на другие нужды различных ведомств — 1,5 млн, а фонды казенных зернохранилищ составляли около 1,8 млн тонн. Все это вместе с потерями при перевозке и хранении входило в категорию «налог», в сумме составляя 5,3 млн тонн. К той же категории относились расходы на содержание служилого чиновничества и суббюрократии — 0,9 млн тонн [Непомнин, 2011].

В итоге из 16,1 млн тонн общая доля «государства» составляла 6,2 млн (39 %), а 9,9 млн (61 %) приходилось на долю ренты и «класса». Таким образом, в Китае в сплаве «класс-государство» социальное начало прочно преобладало над политической надстройкой.

Экономические позиции «класса-государства» не ограничивались рамками бюрократического сектора в земледелии. Облагая налогами частных землевладельцев — нешэньши, которые вместе с семьями насчитывали более 10 млн, казна получала контроль над определенной частью миллионной массы частнозависимых крестьян. В том же смысле казна контролировала значительную часть 39-миллионного городского населения — 15 млн ремесленников с семьями и торгово-ростовщический слой.

Таким образом, «класс-государство» представлял собой самостоятельную экономическую силу, опиравшуюся на «собственный» гигантский

хозяйственный сектор. Персонал надстроечных институтов, аппарата насилия и идеологического воздействия содержался в основном за счет средств, аккумулированных казной.

Наконец, государственный сектор с его относительно невысоким уровнем изъятия прибавочного продукта (15–20 %), являясь спасительным противовесом высокой степени эксплуатации в частном секторе (изъятие продукта 50 %), в определенном смысле гарантировал воспроизводство самого крестьянства как главного производящего слоя общества и тем самым обеспечивал целостность всей бинарной системы.

Могущество китайской бюрократии и «класса-государства» в значительной мере создавалось органической слитностью воедино всех категорий власти — гражданской и военной административной и судебной, законодательной и исполнительной, светской и духовной. **Абсолютной и неделимой властью обладали все функционеры, поставленные во главе территориально-административных единиц. Этот принцип универсального деспотизма пронизывал все уровни государственного контроля сверху донизу — от императора до начальника уезда.** Столь унитарная чиновничья система обладала особой силой, скрепляя бинарную арендно-бюрократическую структуру.

Для конфуцианского Китая был характерен приоритет штатской власти и «гражданских» *шэньши* (*вэньшэнь*) над военными чиновниками и командирами, и «военными» *шэньши* (*ушэнь*), подчиненность военных штатским и низкий статус офицеров-нешэньши. Находясь как бы над обычными классовыми общностями и слоями, «класс-государство» обладал повышенной автономией от остального социума — сохраняя общ историческую классовую сущность, свойственную любому государству и бюрократии в эксплуататорском обществе. Автономность усиливалась специфически азиатской неприязнью бюрократии к «частнику» — торговцу, мануфактуристу, ростовщику и отчасти даже и не соблюдавшему конфуцианской этики землевладельцу (*тухао*, *лэшэнь*). Изолированные от политиче-

ской власти, последние находились в условиях «поголовного рабства» подданных восточной деспотии. «Класс-государство» неуклонно проводил традиционный жесткий курс по отношению к землевладельческой среде, не говоря уже о торговцах, рассматривая их всего лишь как подданных, а не партнеров по политическому и социальному господству над социумом тружеников [*Китай: традиции...* 1976].

Упомянутые выше процессы знаменовали приоритет государственного начала: казенного сектора экономики — над частным, интересов казны — над сферой частного накопительства. С этим были связаны превосходство чиновной карьеры над всеми попрямицами: общественного престижа — над богатством, конфуцианской учености, открывавшей дорогу к бюрократической карьере, — над земельными владениями, *шэньши* над не-*шэньши*, захудалого *сюця* над мануфактуристом. Для традиционного Китая, в отличие от Европы, был характерен не частнофеодальный, а государственный вариант системы. Важнейшей его спецификой была раздвоенность экономически господствующих социальных сил, причем одна из них — «класс-государство» — обладала абсолютной монополией на политическую власть.

КАЗЕННОЕ И ПОДАТНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В МИНСКОМ КИТАЕ

В цинском Китае фактор монопольного права государства на земельную собственность обусловил деление крестьянства на три категории — согласно основным формам землевладения. В соответствии с тем, на каких землях оно работало — на землях ли казны, на своих ли участках, что было связано с податными тяготами в пользу государства (налоги и трудовые повинности) или на арендованных у «богачей» полях, — крестьянство фактически делилось на казеннозависимое, податное и частнозависимое.

Наиболее близко стоявшим к «классу-государству» в плане прямого подчинения было казен-

нозависимое крестьянство. В него входили государственные крепостные — *чжуандин* (во главе со своими старостами — *чжуантоу*), а также потомки тех свободных китайских земледельцев, которые в период маньчжурского нашествия второй половины XVII в. добровольно перешли в крепостную зависимость от завоевателей. Данная разновидность казенных крепостных именовалась *тоучунжэнь*. *Чжуандин* и *тоучунжэнь* обрабатывали земли императорских поместий (*хуанчжуан*), — поместий маньчжурской знати (*цзуншичжуан*), поместий, приписанных к «восьмизнаменным» войскам (*баичжжуан*), а также поместий различных ведомств центрального правительства (*гуаньчжжуан*). *Тоучунжэнь* работали на «знаменных землях», а также вне поместий — на семьи офицеров и солдат.

Казеннозависимыми земледельцами были и военные поселенцы (*биндин*, *туньдин*, *цзюньдин*), обрабатывавшие поля военных поселений (*бинтунь*, *туньтянь*, *интянь*), «знаменных» поселений (*цитунь*) и охранных постов (*вэйсотунь*), а также штатские колонисты гражданских поселений (*миньтун*, *хутунь*).

Еще одной разновидностью казеннозависимых крестьян являлись держатели государственных полей (*гуаньди*, *гуаньтянь*), т. е. арендаторы, работавшие как на те или иные казенные ведомства, так и на фактических частных владельцев этой номинально казенной собственности. К какой бы из этих трех разновидностей ни принадлежали казеннозависимые крестьяне, все они были, хотя и по-разному, прямо замкнуты на «класс-государство» во всех его ипостасях и слагаемых.

Особый комплекс казенного землевладения в экономике страны в XVIII–XIX вв. представлял собой стабильный атавизм, поскольку был порождением первой стадии системы, времени ее становления, и явно не соответствовал этапу зрелой арендно-бюрократической модели, т. е. той стадии азиатской формации, на которой находилось цинское общество в XVIII–XIX вв.

В рассматриваемый период для казенного землевладения было характерно состояние по-

следовательного и неуклонного упадка. К 80-м годам XIX в. значительная часть казенных земель фактически перешла в руки частных владельцев, сдававших их в аренду крестьянам, продолжавшим формально считаться зависимыми от государства.

В результате одна часть казенных крестьян платила оброки (*и*) и подати (*цзукэ*) непосредственно представителям «класса-государства» — либо верхам «знаменного» сословия, либо бюрократии; другая же вносила арендную плату фактическим землевладельцам за право держания их участников, номинально все еще числившихся по разряду *гуаньди*. Соотношение обеих частей внутри казеннозависимого крестьянства было, судя по всему, примерно равным.

Казенное землевладение по всем параметрам существенно уступало двум другим аграрным секторам. На 1887 г. казеннозависимых крестьян вместе с членами семей насчитывалось 16–17 млн (несколько более 5 % всего крестьянства Цинской империи). Подавляющая их часть приходилась на Северный Китай и Маньчжурию, т. е. на регион, где позиции «класса-государства» были особенно сильными (10 млн., или почти 12 % местного крестьянства). В Центральном Китае численность казеннозависимых несколько превышала 3 млн, примерно столько же их насчитывалось и в Южном Китае (менее 4 % и менее 3 % местных землепашцев соответственно) [Непомнин, 1974].

В целом по Китаю казеннозависимые обрабатывали свыше 93 млн *му* (более 11 % всех кадастровых земель Цинской империи), из которых более 73 млн *му* приходилось на северные и северо-восточные провинции (17–18 % кадастровых земель данного региона), а 20 млн *му* — на центральные и южные провинции (менее 5 % официально зарегистрированных там земель) [Непомнин, 2005].

В сфере казенного землевладения практически не было «скрытых» от казны земель (*иньтянь*, *хэйди*). В связи с этим в общей реальной посевной площади страны удельный вес казенных полей был еще меньшим — более 7 %, а с учетом повторных посевов — менее 7 % посевного

клина страны. На казенных землях крестьяне выращивали около 6 млн тонн зерна, т. е. примерно 5 % общекитайского сбора. Половина изымалась в качестве оброка, податей и арендной платы, причем 1,5 млн тонн поступало «классу-государству» непосредственно, а значительная часть остальной массы опосредованно — через систему аренды.

В государственном секторе ведущую роль играло податное крестьянство. В основе оно являлось классовой общностью мелких владельцев земли. Основную массу его составляли «самостоятельные земледельцы» (*цзычжун сяоху*, *цзыгэн сяоху*). Среди них были как крупноземельные, так и среднеземельные дворы, не прибегавшие к аренде. Кроме того, в китайской деревне было много малоземельных дворов, вынужденных постоянно приарендовывать чужую пашню, т. е. сочетавших (в разной пропорции в каждом конкретном случае) черты государственно- и частнозависимых.

Наиболее значительным удельный вес податных дворов был в Северном Китае и Маньчжурii, где в 1887 г. таких крестьян с членами семей насчитывалось 53 млн — это более 63 % земледельцев всего региона. При движении с севера на юг роль податных снижалась. В Центральном Китае на их долю приходилось немногим более 45 % крестьянства (более 40 млн), а в Южном Китае — 39 % (53 млн). Все податное крестьянство страны насчитывало 146 млн (47–48 % от общего числа крестьян). С учетом казеннозависимых общее число крестьян, замкнутых на «класс-государство», превышало 154 млн, а удельный вес их составлял более 50 % всех земледельцев Китая.

Податные крестьяне возделывали 428 млн *му* кадастровых земель (52 %). Принимая во внимание «скрытые» поля, податным крестьянам принадлежало более 660 млн *му*. Если же учесть повторные посевы зерновых в центральных и южных провинциях, общая посевная площадь податных дворов превышала 749 млн *му*. Их земли в Северном Китае и Маньчжурii составляли более 63 %, в Центральном Китае — свыше

45 % и в Южном Китае — менее 40 % регионального фонда. В целом по стране 51–52 % посевов принадлежали государственному сектору [Непомнин, 1974].

В его рамках производилось более 55 млн тонн зерна в год (около 47 % от общекитайского сбора): свыше 21 млн тонн в южных, более 18 млн тонн в северных и северо-восточных, свыше 16 млн тонн в центральных провинциях.

В счет налогов податные передавали «классу-государству» 8–9 млн тонн зерна, из которого примерно половина была «условной», т. е. взималась в виде денежного эквивалента. Рента-налог, выплачиваемая податным крестьянством, равнялась в среднем 15 % урожая и превышала 52 % всей массы поступлений «классу-государству» от поземельного обложения.

После уплаты налогов податному крестьянству оставалось около 48 млн тонн зерна (почти 40 % общекитайского сбора). Из них 22 млн тонн составляли фонды потребления: 21 млн тонн — потенциал дальнейшего использования (фуражный фонд, обрядовые затраты и хозяйственные запасы) и дальнейшего перераспределения (погашение ростовщических ссуд и процентов по ним, продажа зерна), 5 млн тонн уходило на семенной фонд и потери при хранении. В итоге у владельческого крестьянства после выплаты налогов оставался прибавочный продукт размером около 16 млн тонн зерна (более 28 % урожая, или свыше 65 % прибавочного продукта). В целом по китайскому крестьянству последний показатель равнялся всего 30 %, поскольку на податных приходилась подавляющая часть прибавочного продукта, оставшегося у крестьян Цинской империи [Непомнин, 2005]. Иными словами, государственный сектор, как уже отмечалось, был основной базой расширенного воспроизводства крестьянства как такового.

В ходе дальнейшего изъятия по каналам ростовщичества и эксплуатации торговым капиталом зерновая масса, оставшаяся в руках крестьян, значительно сокращалась. Ростовщическая эксплуатация уносила из крестьянского

фонда только в счет погашения процентов на ссуды (уплата шла зерном или деньгами) свыше 5 млн тонн. Различными зерноторговцами (купцами, землевладельцами, ростовщиками) у крестьян скупалось около 12 млн тонн зерна, причем в ходе этих сделок последние фактически недополучали половину стоимости продукции, т. е. как бы теряли до 6 млн тонн, становившихся торговой прибылью, присваиваемой скупщиками.

Важным побудительным мотивом продажи крестьянами-владельцами своей продукции была необходимость уплачивать налоги и долги в денежной форме. Вместе с тем в урожайные годы многие крестьяне-собственники пускали в обращение излишки продовольствия и сырья, что играло большую роль на внутреннем рынке страны. Меньшая часть такой продукции продавалась крестьянами непосредственно потребителям на местных периодических базарах и на городских рынках, а основная доля попадала в руки купцов и занимавшихся торговлей землевладельцев.

В целом после всех видов изъятий крестьянству (а фактически — почти только его податной половине) оставалось 11–14 % произведенного им прибавочного продукта, тогда как доля «класса-государства» и частных рентополучателей, а также других эксплуататорских слоев — ростовщиков и торговцев — равнялась 86–89 %. Крестьянская часть в натуральном выражении составляла 6–8 млн тонн. Однако и этот скромный фонд распределялся внутри самого крестьянства неравномерно. На арендаторские и полуарендаторские слои приходилась крайне малая часть, а основная его масса оставалась у кулацких и зажиточных середняцких дворов податных земледельцев.

Поземельной общины в Цинской империи не существовало, она погибла за много столетий до рассматриваемого периода, а соседская община, разложившись и сменилась системой патронимий-кланов (*цзу*, *цзунцзу*). В фискальном, полицейском и ином плане «класс-государство» строил свои отношения с крестьянством не по общинному и даже не по

клановому, а по подворному принципу учета и связи. Казна имела дело с каждым двором в отдельности, минуя патронимическую организацию как в деле учета населения (система *баоцзя*), так и обложения налогами и повинностями. Как коллективных крестьянских обязательств перед «классом-государством», так и автономной внутридеревенской раскладки налогов и повинностей Цинская империя не знала [Непомнин, 2005]. Существовавшая система не была государственно-клановой, ибо патронимия в налоговом и контрольном отношении «классом-государством» не признавалась ни экономическим субъектом, ни субадминистративной единицей, ни объектом фиска. Хотя казна признавала клан юридическим лицом в качестве владельца «общих земель» данной патронимии, «классу-государству» противостояли не крестьянские организации, а море «автоматизированных» «тягловых душ», землевладельцев и иных лиц в системе кланов. Это была государственно-крестьянская система с принципом подчинения «верховный класс — податной крестьянин».

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА «КЛАССА-ГОСУДАРСТВА»

В противостоянии «класса-государства» податному крестьянству для последнего налоги и фискальная система имели колоссальное значение. Владельческая часть крестьянства составляла подавляющую массу податного населения Цинской империи, поскольку процент городского населения был крайне мал. Объектом налогообложения оставалась земля, а не хозяйство как таковое. Как начисление общей суммы различных налогов с земельных владений (*тяньфу*), так и ее раскладка по каждому владению в отдельности производилась на основе земельных реестров (*юйлинцэ*), хранившихся в налоговом управлении областного *ямэня*. Основным видом обложения деревенских жителей был единый подушно-поземельный налог (*дидин*), складывавшийся из двух частей — собственно поземельного сбора (*дифу*) и подушкой пода-

ти (*динфу*). Для всей страны была официально установлена общая сумма *дидин*. Она оставалась постоянной, так как для казны численность налогоплательщиков условно считалась неизменной. Постоянно происходившее перераспределение земельных владений не учитывалось. С каждого участка были установлены официально закрепленные и неизменяемые выплаты. Однако местная бюрократия и суббюрократия находили различные способы увеличения налоговых сборов в свою пользу. Центральная власть редко вмешивалась в действия местной администрации. Ведомство налогов (*Хубу*) устанавливала лишь общую сумму сбора для каждого уезда, округа, области и провинции. Раскладка же налога по земледельцам оставалась прерогативой местных чиновников. Такая практика была очень выгодна для влиятельных шэньши и крупных землевладельцев.

Установленные еще в начале правления Цинской династии официальные нормы *дифу* были сравнительно небольшими и исчислялись в зависимости от качества земли. По степени урожайности все поля делились на три категории (*шан, чжун, ся*), а каждая из них, в свою очередь, подразделялись на три таких же разряда. Дело, однако, не ограничивалось этими девятью ступенями, так как учетная градация резко увеличивалась за счет различных категорий податных земель. В каждой из них действовала своя девятиступенчатая шкала. Абсолютно преобладавшей категорией налоговых полей была *миньфутянь*, в которую входила подавляющая масса частных земельных владений, обложенных обычными ставками подушно-поземельного налога (*дидин*), прочие многочисленные податные категории не имели большого удельного веса, хотя почти в каждой провинции они в той или иной мере перемежались с *миньфутянь*. Они имели свои особые нормы обложения по степени урожайности. Такая система создавала по уездам, округам и областям многие десятки учетных разрядов при начислении *дифу*, в результате чего разница в нормах обложения была огромной. В денежной выплате подушно-поземельного

налога с *миньфутянь* высшая исходная ставка с 1 *му* превышала низшую в 12 раз, а в натуральном исчислении разрыв был поистине колоссальным. В среднем же официальная денежная ставка с 1 *му* обычно не превышала 3 *цяня* (11,2 г) серебра, а натуральная составляла от нескольких *шэнов* до 1,5 *доу* (15,5 л) риса или пшеницы, приближаясь к 10 % урожая. При этом натуральные выплаты *тяньфу* все более заменялись денежными.

Подушная подать (*динфу*) как составная часть единого налога взималась только с владельцев земли, безземельные дворы были от нее освобождены. Она начислялась из расчета 2 *цяня* (7,5 г) серебра на каждый *лян дифу*, т. е. была 20 % надбавкой к последнему. Этот сбор практически не имел характера подушной подати в полном смысле слова, будучи компонентом налога с имущества.

Единый подушно-поземельный налог (*дидин*) составлял примерно $\frac{2}{3}$ всех доходов казны. Он исчислялся в серебре, но крестьянами, как правило, выплачивался медными деньгами (*вэнь, цянь, дяо, чуань*). Его натуральная ставка рисом, пшеницей, бобами и др. часто перечислялась на медь и серебро. Такой перевод чиновниками денежных выплат в зерновые сборы и обратно облегчался и узаконивался наличием в официальной практике так называемого переводного налога (*ляньчжэ*), являвшегося одной из форм взимания *дидин*. Практика перевода давала местным властям широкую возможность резко увеличивать фактическую сумму налога, составляя у себя излишки. Столь же доходные махинации осуществлялись за счет завышения курса серебра или, наоборот, занижения цен на зерно. Подобный произвол сборщиков был самым обычным явлением.

Этим, однако, не исчерпывалась фискальная эксплуатация крестьян. Существовали еще разного рода официальные надбавки к основной части (*чжэнфу*) единого налога. Многочисленные дополнительные поборы такого рода объединялись в общую категорию *сяньюй*, или *хаосянь*. В нее, в частности, включались надбавки

на расходы, связанные с самим сбором *тяньфу*. Тем самым они перекладывались на податное население. Взимался также особый сбор *хохао* для восполнения потерь казны при переплавке получаемого в счет налогов серебра низкой пробы. Большое разнообразие формы и веса поступавших в казну серебряных слитков послужило предлогом для введения надбавки на «стандартизацию» (*пинъюй*). При пересчете серебра на медные деньги, которыми чаще расплачивалось крестьянство, практиковалась компенсация «потерь», которая была особенно ощутима для налогоплательщиков. Собирались средства для содержания местных войск (*англян цзиньте*), а во многих провинциях — и разного рода «пожертвования» (*цзюаньшу*) на «общественные» или казенные нужды. Как правило, официальные нормы этих и им подобных начислений к основному налогу были невелики. Однако именно в данной форме местным властям открывалась широкая возможность для различных махинаций и произвола [Непомнин, 1974].

Сверх *дидин* в восьми провинциях (Хунань, Цзянси, Аньхуэй, Хубэй, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун и Хэнань) взимался особый «продовольственный налог» (*цаолян*) для нужд центрального государственного аппарата, маньчжурской знати и «восьмизнаменных» войск в Чжили и Маньчжурии. В северных и в центральных провинциях действовала специальная казенная «система водных перевозок» податного зерна в Пекин (*юньцао*).

Этот налог взимался зерном в четырех провинциях (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй и Шаньдун), а в остальных его ставки пересчитывались на деньги (*ляньчжэ, цаочжэ*). Поскольку такой перерасчет производился по наивысшим рыночным ценам, реальная тяжесть *цаолян* существенно возрастала.

Основной «продовольственный налог» *цаолян* дополнялся шестью-семью сборами и надбавками (*цаосян*). Самой тяжелой из них была надбавка в 2–4 *доу* на каждый дань на потери при перевозке и усушку зерна (*чжэнхао*). Различные виды *цаосян* часто взимались в денежной форме.

Кроме того, в отдельных районах взимались подати на посадки чая, на рыбную ловлю, на сбор тростника и т. д. Эти поборы устанавливались зачастую местными чиновниками и поступали в их пользу. Наконец, на крестьян помимо прямого обложения ложились некоторые косвенные налоги, прежде всего налог на имущественные сделки и наследство (*цишуй*, *тяньфанцишуй*).

Земельно-подушный (*дидин*) и натуральный налог (*цаолян*) платили только землевладельцы — рентополучатели и крестьяне. Соответственно на севере страны на долю крестьянства падала значительно большая доля налоговых платежей, чем в южных провинциях.

В цинском Китае сверх сбора налогов практиковалось привлечение крестьян-владельцев земли к различного рода трудовым повинностям (*чайяо*). Таким как ремонт дамб, плотин и дорог (*цзюньяо*); вид и объем работ определялись местной бюрократией. Военные и транспортные повинности (*бинчай*, *лючай*) были связаны со снабжением проходящих войск и проезжающих чиновников провиантом, фуражом, повозками и упряжним скотом. На крестьянство ложились и многие другие виды принудительных работ, например, поддержание почтовой службы (*чжи-и*).

Постепенно ширилась практика замены указанных повинностей денежными сборами (*чайинь*, *яоинь*). Среди них ведущими были откупы от «общественных» работ (*цзюньяоинь*), военной и почтовой повинности (*ичжаньинь*). От тяжести, места и характера работ зависели размеры этих сборов, начислявшихся в виде надбавок на каждый лян основного налога. Параллельно росло применение принудительного казенного найма рабочей силы (*чжао-му*, *чжао-гу*).

Официальные ставки прямых и косвенных налогов вместе с надбавками сами по себе не были разорительными. Для землевладельческого крестьянства самое страшное заключалось в порядке и методах их взимания. Средневековая экономическая раздробленность страны, отсутствие единых мер площади, веса и объема давали возможность чиновникам произвольно исчислять платежи, причитавшиеся с крестьян.

Неустойчивость курса серебра в медной монете, а также резкие сезонные колебания рыночных цен на землю давали чиновникам большие возможности резко увеличивать фактический размер налогов. Подлинным бичом для крестьян-владельцев земли становились пересчет податного зерна на деньги и перевод медных вэней в серебряные *ляны*.

При сборе налогов обычным явлением было обмеривание налогового зерна большими мерами объема, нежели принятые в данной местности. Столь же повсеместным было значительное завышение котировки серебра в медной монете. Кроме того, местные власти часто произвольно повышали размеры самих налогов и надбавок к ним. В целом такого рода махинации и незаконные начисления увеличивали реальные сборы с крестьян в несколько раз по сравнению с официальным уровнем.

Объективно существовавшее деление эксплуатации крестьян на фискальную (рента-налог) и арендную существенно сказывалось на положении в китайской деревне. Арендная эксплуатация для отдельно взятого крестьянина обычно выступала как узколокальный, чаще всего внутридеревенский фактор. Фискальный же гнет обычно приобретал широкомасштабный уездный, окружной, общепровинциальный, а иногда и всекитайский характер. Неизбежные контакты с казной имели место 3 раза в год — сбор налогов летом и осенью, а также отбывание трудовой повинности в конце осени — начале зимы. Своей относительной универсальностью и общегосударственной природой они, по своему, объединяли податных крестьян. Это происходило как в случае их молчаливого согласия с данным уровнем изъятия прибавочного продукта, так и особенно в случае протеста против завышения прежних норм ренты-налога.

Присущим ей универсальным характером фискальная эксплуатация как бы стирала грани внутри податного крестьянства. Она в равной мере касалась богатых и бедных владельцев земли и полуарендаторов, старожилы и переселенцев, включенных в производство земледельцев

и часть «избыточного» сельского населения, собственно податных и казеннозависимых, а также многих держателей, плативших налоги за землевладельцев.

Цементирующее влияние фискального гнета во многом складывалось за счет неизмеримо большей стандартизации налоговых требований к крестьянству. Эта стандартизация контрастировала с пестротой отношений в системе «хозяин земли — арендатор», множеством видов и спецификой условий такого изъятия. Все это обуславливало наличие одного общего врага — «плохого» чиновника, единого объекта удара — местный *ямэнь*, казна вообще. Против жестокого *дичжу* держатель его земли чаще всего выступал в одиночку. Против же «продажного» чиновника крестьяне обычно шли «всем миром» — деревней, волостью или целым уездом. Тогда число восставших определялось тысячами или десятками тысяч. На этой почве поддерживалась относительная консолидация налогоплательщего крестьянства, определявшая его активность, мобилизационную готовность, штурмовые качества и силу удара.

РЕАКЦИЯ НА НАЛОГОВУЮ ДЕСПОТИЮ

Полное преобладание антиналоговых, античиновничьих и антиманьчжурских выступлений над «антипомещичьими» настроениями связано в первую очередь почти с полным отсутствием экономического момента в связях податных с «классом-государством». Контракты налогоплательщего двора с казной не составляли замкнутую хозяйственную микросистему, они для земледельца не имели такого очевидно выраженного производственного характера, как это было в комплексе «хозяин земли — арендатор» [Непомнин, 1980]. Черты внеэкономичности и эксплуатации посредством ренты-налога были очевидны, а ее высший хозяйственный смысл — обеспечение «классом-государством» нормального функционирования всего общественного организ-

ма — оставался для крестьян слабо уловимой абстракцией.

Все это создавало почву для жестоких столкновений с властью, когда «класс-государство» нарушая свои же нормы, начинал отбирать у податных такую массу прибавочного продукта, которая резко не соответствовала крайне низкому уровню их экономических связей с казной и весьма условному характеру последних. Существовавший «стык» между «классом-государством» и податной частью крестьянства был менее всего «экономичен» и не покоился на хозяйственной основе. Данный момент представлял собой одно из самых слабых и уязвимых мест китайского арендно-бюрократического строя. Сам факт, что казна для крестьян была «вне производства», определял одну из причин выбора «верховного класса» в качестве главного объекта ударов крестьян. Последнее обстоятельство помимо всего прочего часто создает впечатление, что в Китае именно «класс-государство» выступал главным эксплуататором.

Столь различная оценка экономической «правомерности» присутствия в деревни чиновника и частного рентополучателя, налогового и арендного изъятия, в свою очередь, преломлялась в социальной психологии крестьянства. С морально правовой точки зрения именно фискальная эксплуатация, особенно злоупотребления в данной сфере, были для него наиболее неприемлемы и ненавистны. Поскольку этот вид изъятия прибавочного продукта в глазах земледельца не имел отношения к его трудовой жизни, он считался более чужеродным и паразитическим, нежели арендные платежи. Такой подход существовал, несмотря на то что в государственном секторе норма изъятия в среднем составляла 15 %, а в частноарендном, как правило, 50 % урожая.

В повседневной жизни крестьянин зачастую был кровно заинтересован не просто в связях, а в хороших отношениях с землевладельцем. Острой же необходимости в контактах с казной он попросту не испытывал. Хозяин земли чаще всего был «своим», т. е. признанным всей дерев-

ней человеком, чиновник же, обычно уроженец другой провинции, был просто-напросто чужаком. Таковыми были и присылаемые им дважды в год сборщики налога — служители уездного *ямэня*. Естественно, что присутствие арендодателя было для крестьян более понятно, приемлемо и законно, нежели появление в деревне представителей «класса-государства».

Аналогичного сделке арендатора с хозяином земли «хозяйственного договора», взаимовыгодного соглашения в своих отношениях с казной податные двory практически не усматривали. Казна, с точки зрения крестьян, по крупному счету мало что давала в обмен на изымаемый в форме налога продукт. Так, ремонт дамб, дорог, плотин и других сооружений выполнялся чаще всего самими же податными, сгонявшимися в конце осени — начале зимы на отбывание трудовых повинностей. Охрану деревни и полей от чужаков и бандитов также чаще всего осуществляли сами же земледельцы, организованные в рамках сельской милиции (*сянъюн, туанлянь*). Так же обстояло дело и с обеспечением иных, более мелких общественных нужд деревни.

С этих позиций «класс-государство» для крестьянства в целом был в известной мере «лишним», а при чрезмерном росте налогов — слишком «дорогим» патроном. Негативное отношение к его агентам обострялось в случаях и явного произвола и злоупотреблений при взимании налогов. Подобная ситуация возникала, когда при неизменной основной части последних в несколько раз возрастали разного рода надбавки (*сянъюй, хохао, пинъюй, цзюанью*) или же они взыскивались за несколько лет вперед. Со стороны крестьян естественная ответная «реакция отторжения» зачастую и вполне закономерно перерастала в восстания.

Абсолютное преобладание антианалоговых, античиновничьих и явная стертость «антипомещичьих» лозунгов отражали своего рода гегемонию податного крестьянства в народных движениях и крайне слабое участие в нем держательской массы. Столь различная степень активности данных категорий земледельцев в значи-

тельной мере определялась ростом налогового бремени при сравнительной стабильности норм арендной эксплуатации.

Здесь сказалось и цементирующее воздействие на массу податных двory более или менее унифицированного общекитайского фискального гнета и, напротив, разобщающая пестрота условий производства и изъятия прибавочного продукта в частной подсистеме деревенской экономики. Если в системе производственных ячеек типа «хозяин земли — арендатор» масса держателей земли была замкнута на множество арендодателей (2,8 млн семей), то 154-миллионная масса податных крестьян была замкнута на централизованный «класс-государство» как на более или менее единый объект ответных акций.

Слабость производственного и вообще экономического начала в системе «верховный класс — податное крестьянство» компенсировалась наличием у обоих контрагентов встречных социальных устремлений и взаимных интересов. Последние диктовались наличием третьей и притом весьма экономически активной силы, т. е. классовой общности частных рентополучателей — силы, по-своему, опасной как для «класса-государства», так и для крестьян-владельцев земли.

Для всей истории китайского средневековья характерно одновременное единство и противоборство двух социально-экономических начал — государственного и частного. На протяжении столетий происходила то скрытая, то явная борьба между бюрократией и частными «богачами» за раздел и передел прибавочного продукта.

В этой борьбе к периоду Мин-Цин наступило более или менее устойчивое равновесие на общекитайском уровне, но не на местном, низовом. Частные «богачи» всех мастей подспудно и постепенно поглощали земли податных двory. И, хотя отсутствие майората и постоянные разделы имущества и земли между наследниками в среде мелких, средних и отчасти крупных рентополучателей вели к ослаблению частного землевладения, эта среда постоянно представ-

ляла реальную угрозу крестьянским владениям податных дворов [Тихвинский, 1976].

Для последних единственным реальным защитником мог быть только «класс-государство» (император, чиновники и суббюрократия, особенно местные *шэньши*). Для сохранения и закрепления такого защитного противовеса хищнической стихии частных магнатов податное крестьянство, в принципе, было не прочь платить налоги по их «законным», «справедливым», традиционным, т. е. умеренным ставкам и отбывать трудовые повинности, особенно те из них, которые «работали» в пользу самих крестьян. В этом смысле между податным крестьянством и «верховным классом» существовало не только известное совпадение интересов, но и своего рода негласный «договор». Соблюдение его «условий» поддерживало мир и постоянство в дихотомии «государство — налогоплательщик крестьянство» [Социальная структура... 1990].

Тонус взаимоотношений податного крестьянства и «класса-государства» прямо зависел от смены фаз периодических экономико-демографических циклов. В первой фазе цикла в силу резкого сокращения населения после предшествовавшего политического и демографического катаклизма хозяйства крестьян — владельцев земли существенно приближались к оптимальным размерам, особенно в плане отношения пахотной земли и рабочей силы. Так было в первой фазе (1644–1730) Цинского цикла (1644–1870) и в аналогичный период (1870–1900) Тайпинского цикла (1870–1949) [Непомнин, Иванов, 2010].

В этих условиях выплата крестьянской семьей налога в размере 15 % урожая, или примерно 35 % прибавочного продукта была вполне приемлемым условием дележа с «классом-государством», ибо податному двору оставалось около 65 % прибавочного продукта.

Но уже во второй фазе в связи с ростом населения, намного опережавшим увеличение обрабатываемых площадей, картина резко менялась. К 70-м гг. XVIII в., т. е. к концу второй фазы (1730–1770) цикла обрабатываемая площадь увеличилась на $\frac{2}{3}$, а численность населе-

ния вдвое. К концу XVIII в. демографический потенциал возрос уже втрое, вследствие чего к началу XIX в. площадь пахотной земли на душу населения сократилась более чем в 2 раза. Таким образом, с участка, с которого в 60-е годы XVII в. кормилась одна крестьянская семья, к началу XIX в. — уже две семьи, т. е. в среднем не 5, а 10 едоков [Непомнин, 1980, 2011]. В результате вдвое сократился объем прибавочного продукта каждой семьи, т. е. соответственно ухудшились условия его дележа с «классом-государством». Налоговое бремя для каждого из двух податных дворов стало фактически вдвое тяжелей.

Ситуация резко обострялась в третьей и особенно в четвертой фазе цикла. Антиналоговый, античиновничий настрой податного крестьянства нарастал. К этому добавилась социальная и экономическая неустроенность излишнего демографического потенциала, уже не имевшего возможности соединиться с землей на условиях держания. Борьба против «класса-государства» становилась единственным выходом, перерастая в восстания, а затем в крестьянскую войну. В целом настроения владельческой массы крестьян были достаточно противоречивыми. С одной стороны, для нее были характерны открытый протест и стихийные выступления против налогового произвола присланных из центра чиновников. С другой — эта часть крестьянства, особенно зажиточные ее слои, местные *шэньши*, легко могла направить против разного рода «бандитов» — как шаек обычных грабителей, так и восставших крестьян соседних областей и провинций. Именно из крепкого владельческого крестьянства формировалась сельская милиция.

Выводы

Таким образом, «класс-государство» сочетал в себе два начала — социальное (класс) и надстроечное (государство). Данный дуализм находил продолжение в двойственности получаемой ренты-налога. Последняя распадалась на собственно ренту и на собственно налог. Рента была непосредственно связана с социальным началом, т. е.

с первым компонентом дихотомии — «класс», а налог соответственно замыкался на надстройку — «государство». Количественное соотношение того и другого внутри ренты-налога давало качественную определенность. С выдвиганием на первый план ренты и «класса» «амальгама» приобретала статус социального образования, хотя и крайне специфического. В противоположном варианте возникала привычная по европейским стандартам институциональная конструкция в сплаве с социальным потенциалом господствующего класса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Исаева М. В. *Представление о мире и государстве в Китае в III–VI веках н. э.* М.: ИВ РАН, 2000. — 263 с. [Isaeva M. V. *The Concept of the World and the State in China, 3rd–6th Centuries AD.* Moscow: IOS RAS, 2000. — 263 p. (in Russian)].

Китай: традиции и современность. Отв. ред. Л. П. Делюсин М.: Наука, 1976. — 335 с. [China: *Tradition and Modernity.* Ed. L. P. Delyusin Moscow: Nauka, 1976. — 335 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая. *Восточный курьер.* 2021а. № 3–4. С. 69–84 [Nepomnin O. E. The Foreign Policy Doctrine of Traditional China. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021a. No. 1–2. Pp. 51–68 (in Russian)].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ.* М.: Восточная литература, 2010. — 440 с. [Nepomnin O. E. *Typology of Asian Societies.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. — 440 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. XX век.* М.: Крафт+, 2011. — 736 с. [Nepomnin O. E. *History of China. 20th century.* Moscow: Kraft+, 2011. — 736 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века.* М.: Восточная литература, 2005. — 712 с. [Nepomnin O. E. *History of China. The Qing Dynasty. 17th – Early 20th Century.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. — 712 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китай в контексте мировой истории. *Восточный курьер.* 2019. № 1–2.

С. 62–76 [Nepomnin O. E. China in the Context of World History. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2019. No. 1–2. Pp. 62–76 (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китайская и японская модели традиционного общества. *Восточный курьер.* 2020. № 3–4. С. 51–68 [Nepomnin O. E. Chinese and Japanese Models of Traditional Society. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 3–4. Pp. 51–68 (in Russian)].

Непомнин О. Е., Позднеева Л. Д., Степугина Т. В. *Китайская культура. Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время.* М.: ИВ РАН, 2019. — 532 с. [Nepomnin O. E., Pozdneeva L. D., Stepugina T. V. *Chinese Culture. Antiquity, Middle Ages, Modern and Contemporary Time.* Moscow: IOS RAS, 2019. — 532 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. Политический строй Цинской империи. *Восточный курьер.* 2021b. № 1–2. С. 46–60 [Nepomnin O. E. The Political System of the Qing Empire. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2021b. No. 1–2. Pp. 51–68 (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914.* М.: Наука, 1980. — 368 с. [Nepomnin O. E. *Socio-Economic History of China. 1894–1914.* Moscow: Nauka, 1980. — 368 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая (1864–1894 гг.).* М.: Наука, 1974. — 304 с. [Nepomnin O. E. *Economic History of China (1864–1894).* Moscow: Nauka, 1974. — 304 p. (in Russian)].

Социальная структура Китая. XIX – первая половина XX в. Отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука, 1990. — 436 с. [The *Social Structure of China. 19th– First Half of 20th Century.* O. E. Nepomnin (Ed.) Moscow: Nauka, 1990. — 436 p. (in Russian)].

Тихвинский С. Л. *История Китая и современность.* М.: Наука, 1976. — 360 с. [Tikhvinsky S. L. *History of China and the Present.* Moscow: Nauka, 1976. — 360 p. (in Russian)].

Elman B. A. *From Philosophy to Philology: Social and Intellectual Aspects of Change in Late Imperial China.* Cambridge: Harvard University Press, 1984. — 368 p.

Levenson J. R. *Confucian China and Its Modern Fate: The Problem of Intellectual Continuity.* Vol. 1. London: Routledge, 2005. — 248 p.